

ЭТНОНИМЫ ВЕПСОВ: АРЕАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ И ЭТНИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ²¹

И. И. Муллонен

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск. Тел.: (8142)78-18-86;

e-mail: mullonen@krc.karelia.ru

В этнонимах, называющих вепсов, различается три уровня: вепские самоназвания, неофициальные и официальные русские наименования, которые, к тому же, не статичны. На разных временных срезах этнонимы менялись.

К сожалению, сейчас уже невозможно получить полную достоверную картину функционирования традиционных самоназваний, поскольку она смазана проникшими в вепскую среду официальными наименованиями. Тем не менее, можно утверждать, что существовало явное ареальное противостояние самоназваний по линии север – юг. Прионежские вепсы, а также представители западных говоров приоятских вепсов в пределах бывшей Олонецкой губернии называют себя подобно карелам-людикам и карелам-ливвикам людиками (*ludinik, lüdilaine*), а свой язык соответственно людиковским (*lüdikel* ‘вепский язык’, *pagišta lüdiks* ‘говорить по-вепски’). В свою очередь, в южновепской среде бытовало самоназвание *vepslaane, bepslaane, bepsal’ne* ‘вепс’, соответственно *bast’abeps’aks* ‘говорить по-вепски’. СВЯ отмечает также *vepsläine* в Пондале, однако вследствие отсутствия здесь ареала не ясно, является ли этноним здесь традиционным или это новое слово, усвоенное из официальной практики первой половины XX века. На южной границе вепского ареала в качестве самоназвания бытует этноним *čuhar*, мн. число *čuharid*, воспринятый из смежных русских говоров. Он известен и на других вепских территориях, однако не в качестве самоназвания, а как уничижительно-пренебрежительное прозвище, данное русскими соседями. Наконец, на восточной окраине вепского ареала, глухом углу Онежско-Белозерского водораздела, где этнические контакты были ограничены, этнонимическая система не получила развития. Соплеменника называют просто *tähine, tägalaine* ‘здешний’, а его язык характеризуют словами *meide kartte pagizeb* ‘по нашему говорит’, *ičemoi keliu pagizeb* ‘на своем языке говорит’.

В свою очередь, на официальном уровне повсеместно используется этноним *вепсы*, который утвердился в 1920-30-е годы XX века в., в период национально-государственного и

²¹ Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтничном пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей»

языкового строительства, сначала в литературе, а затем и в сознании носителей вепсского языка. Он заменил широко использовавшийся в XIX – начале XX века в научной и прочей справочной литературе о вепсах этноним *чудь*.

На неофициальном уровне русские соседи называли вепсов *чухарями* – прежде всего это относится к южным вепсам, а также *кайванами* или *кайбанами*. Этноним использовался традиционно применительно к южным и средним вепсам. В источниках отмечается также насмешливое прозвище оятских вепсов *кайки*, для которого Фасмер со ссылкой на Я. Калима предлагает избыточно академическую этимологию, исходящую из якобы народно-этимологической интерпретации приб. -фин. лексемы *kaikki* ‘все’ как перевода древнего этнонима *весь* (Фасмер). Скорее, исходя из типологии появления прозвищных этнонимов, следует обратить внимание на глаголы *кайковать* ‘говорить’, *кайкать* ‘говорить громко, возбужденно; судачить’ (СРНГ), имеющих, в свою очередь, прибалтийско-финские истоки.

Определенная информация этноисторического характера скрыта за ареальной дистрибуцией этого этнонимического ряда. Так, этноним *людики* территориально тяготеет к Свири. При этом в более отдаленных от Свири местностях, как на юг, так и на север, бытует этноним *vepsä* ‘вепсы’. На юге он привязан к живому вепсскому населению. На севере же вепсами называют своих южных соседей людиков сегозерские карелы. Его наследие хорошо прослеживается также в топонимии в северном Сязозерье. Такая ареальная дистрибуция имеет, по-видимому, историческую подоплеку. Можно полагать, что этноним *lyudi* распространился по Свири вместе с новгородским освоением (др. -русс. *люди*, *людин* ‘свободный человек; обычный горожанин в противовес знатному сословию’) и называл местных вепсов, которые в то время (первые века второго тысячелетия) были основным населением как южного, так и северного Присвирья. Самоназвание *вепсы* сохранилось только в отдаленных от Свирского побережья местностях, как на севере, так и на юге. Иначе говоря, русское освоение разделило единый ареал, в то время вепсский, на север и юг. В дальнейшем в ходе продвижения карельского освоения из Северо-Западного Приладожья происходила постепенная карелизация вепсского северного Присвирья, и этноним начинает со временем обозначать здесь карелизированных вепсов – ливвиков и людиков.

В то время как этноним *людики* распространялся по Свири, второй этноним с новгородскими стоками – *чудь* проникал на восток по южной окраине вепсской территории – с того маршрута, который исходил из Новгорода в направлении Белозерья. В свою очередь, *кайбаны* имеет, видимо, белозерские истоки. Очевидно, за этой ареальной дистрибуцией стоят несколько разные потоки русского освоения этнической вепсской территории. Это ареальное

противостояние подтверждается и распределением по территории ряда топонимных моделей с русскими истоками. Так, модель речных наименований с формантом *-ина* (*Остречина, Ивина*), как ойконимов на *-ицы/-ичи* (*Винницы, Имоченицы, Юксовичи*) привязаны к Присвирью – там же, где представлен этноним *людики*, и отсутствуют вдоль других русских «коридоров». За ними стоит, скорее, маршрут, исходивший из южного Приладожья.

Традиционно считается, что в летописи XII в. вепсы известны и как *чудь*, и как *весь*, а функционирование двух терминов связано с тем, что западная часть вепсской территории тяготела к Приладожью (*чудь*), в то время как восточная – к Белозерью (*весь*). При этом, однако, в Белозерье отсутствует ранняя собственно вепсская топонимия, в то время как в избытии представлены доприбалтийско-финские модели, а редкие прибалтийско-финские существенно отличаются от собственно вепсских. В совокупности с рядом других обстоятельств (слабое представительство этнонима в прибалтийско-финских языках, наличие в белозерских вепсских и русских говорах специфической лексики) в докладе высказывается предположение, о том, что этноним *весь* «Повести временных лет» мог обозначать первоначально «вепское» население региона и перешел на вепсов в ходе продвижения последних на восток. Следы этнонима как в этнонимическом функционировании, так и в топонимии в северо-западном Обонежье, а также в северо-западном Приладожье могут быть рудиментами прежнего ареала как самого этнонима, так и называемого им этноса (какого?). Он прямым образом продолжается в южновепском самоназвании *vepslaane* и др. Наибольшую сложность для интерпретации при этом вызывает локальный, но довольно плотный ареал топонимов с основой *Vepsä-* в Приладожье. Судя по их облику, *Vepsä-* выступала здесь в функции антропонима, который в соответствии с типологией мог иметь прозвищные истоки.

Спорны также все выдвигаемые в литературе этимологии этнонимов, называющих вепсов. Наиболее убедительно выглядит лишь этимология этнонима *чудь*, в наиболее полном виде разработанная Д. В. Бубрихом, исходившем из его германских корней и древнерусского посредства. В соответствии с ней этноним был принесен на территорию Верхней Руси славянами. Последние усвоили его в древности в результате контактов с германцами (прагерм. **Þiuþō* ‘народ, люди’ > др. -слав. **tjud* ‘чужой народ’), а затем, переселившись в Приильменье и на Волхов, стали использовать его применительно к тамошнему местному прибалтийско-финскому населению. По мере древнерусского освоения севера ареал употребления этнонима расширился, включив в свою орбиту целый ряд этносов.